

Пишем сочинения по

поэмам

А.А. Блока

Пишем сочинения
по поэмам А.А. Блока

Содержание

Вступление	4
Поэма «Возмездие»	7
Образ Христа в поэме Блока «Двенадцать»	16
Идейное содержание поэмы	18
Герои поэмы Блока «Двенадцать»	25
Тема революции в поэме Блока «Двенадцать»	36
Значение поэмы Блока «Двенадцать»	40
Тема и идея поэмы «Соловьиный сад»	41
Смысл заглавия поэмы Блока «Соловьиный сад»	43
Стихотворение «Скифы»	44
Заключение	47

В пособиях этой серии использованы **отрывки из статей следующих литературоведов**: Г. Абрамовича, М. Авдеева, П. Анненкова, К. Н. Анциферова, Арабажина, И. Астахова, Н. Ашхарумова, А. Бадена, А. Бороздина, Г. Брандеса, Н. Бражника, Д. Благого, С. Богуславского, С. Бураковского, Ф. Булгаковой, М. Быстрова, А. Введенского, Л. Вейнберга, С. Венгерова, А. Винера, В. Владимирова, Л. Войтоловского, Д. Галяхова, Э. Геннекена, И. Глебова, Ф. Головенченко, А. Григорьева, Н. Григорьева, Л. Гроссмана, Н. Гудзии, С. Дудышкина, Н. Дюнькина, П. Евстафьева, С. Елеонского, Е. Ефимовой, Д. Жохова, В. Засимовича, А. Захаркина, Н. Зверева, А. Зерчанинова, С. Золотарёва, Н. Кадмина, А. Кайева, В. Карасёва, П. Когана, Н. Колокольцева, А. Кони, Н. Коробки, Н. Котляревского, К. Лахостского, В. Литвинова, Б. Майкова, В. Максимова, В. Малинина, М. Мальцева, Е. Маркова, Н. Мендельсона, Д. Мережковского, О. Миллера, Я. Назаренко, Н. Невзорова, А. Незеленова, А. Новикова, Н. Носкова, Д. Овсяннико-Куликовского, В. Оголевеца, О. Орлова, И. Оршанского, В. Основина, В. Павлова, П. Первова, В. Переверзева, С. Петрова, Д. Полевого, Н. Порфиридова, В. Пузицкого, Д. Райхина, В. Саводника, В. Семевского, Н. Сильванского, А. Соловьёва, Н. Спицыной, В. Стражева, Н. Страхова, В. Стоюнина, Н. Трифонова, И. Успенского, Н. Фатова, В. Фёдорова, А. Филонова, С. Флёрова, С. Флоринского, Н. Черепнина, В. Чижана, Т. Чирковской, С. Шамбинаго.

Вступление

Александр Блок жил и творил на рубеже двух миров – в эпоху подготовки и осуществления Октябрьской революции. Он был последним великим поэтом старой, дооктябрьской России, завершившим своим творчеством поэтические изыскания всего XIX века. И вместе с тем его именем открывается первая, заглавная страница истории русской советской поэзии.

Творчество Блока выразило переживания человека, задышающегося в атмосфере безвременья, человека, «блуждающего меж двух революций», но упорно ищущего свой «путеводительный маяк». Блок хотел, чтобы все его творчество рассматривалось как единый роман в стихах. Он разделил свою поэзию на три тома, каждый из них выстроил как эстетическое и идейное единство. Том слагается из разделов, каждый из которых тоже художественно замкнут и закончен. И в основе этой сложной выверенной системы лежит отдельное стихотворение с такими блоковскими жемчужинами, как «Вхожу я в темные храмы...», «Незнакомка», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»

Однажды Блок назвал свое творчество трилогией вочеловечения. Ответственные слова. Богословы говорят о вочеловечении Христа, в другой связи это слово обыкновенно не употребляется. Блок хотел выразить мысль о трудном пути его лирического героя, о встававших перед ним соблазнах, о страданиях, которые пришлось ему претерпеть, о предчувствии мученической кончины.

С. Фадеев

«Не называйте поэтов пророками, потому что этим Вы обесцените великое слово. Достаточно называть их тем, что они есть, – поэтами». (Из письма А. Блока О.А. Кауфман, 1916).

Такие поэты, как Блок, рождаются накануне великих перемен – когда их родина вступает на новую дорогу, тесно связанную с судьбами остального человечества. Они приходят с тем, чтобы вобрать в себя исторические условия многих деятелей, возвести их, наложив отпечаток своего личного дара, «в перл создання», сохранить от распыленья и утраты и ввести в будущее. Сразу и завершители, и зачинатели, они соединяют времена, рано или поздно сами становятся символами и увенчиваются народной благодарностью.

С середины прошлого века по наши дни Блок стоит как бы в центре поэтического притяжения. В нем воскресли и подали друг другу руки гениальные поэты – Некрасов и Фет. В нем нашли свое совершеннейшее художественное оправдание «малые» поэты – Полонский, Апухтин, Ап. Григорьев, В. Соловьев, учитель Блока.

Блок пришел в двадцатый век с пушкинской миссией. Но, несмотря на свой мирообъемлющий дар, не до конца отдал ей силы, ибо всю жизнь был томим иным чувством посланничества. И лишь «уходя в ночную тьму», объединил он пушкинское и свое призвание поэта и заговорил о союзе, в веках связующем «сыновей гармонии». Но Блок раскрыл читателю новую ситуацию: поэт не хочет больше жить только жизнью слова, он страстно желает поднять ввысь слишком отяжелевший мир, встряхнуть «его оцепененье...» пусть даже ценой собственной гибели.

И. Роднянская

Что можно в целом сказать о творчестве Блока?

В первом томе преобладает белый цвет, это том Прекрасной Дамы. До конца жизни это была любимая книга Блока. Она проникнута цельным мировоззрением, верой в грядущую встречу. В биографии Блока она соответствует трудному роману с будущей женой Л. Д. Менделеевой. Во втором томе преобладающий синий цвет. Это книга о надрывах, о трагедии крушения идеала, о душевных скитаниях. Прекрасная Дама вытеснена Незнакомкой – неотразимо–притягательной падшей женщиной, вызывающей роковую страсть, опустошающую душу лирического героя. В биографии это соответствует семейной драме, взаимному увлечению жены и друга – Любви Дмитриевны и А. Белого, другим перипетиям непростой интимной жизни Блока. В общественной жизни России (которую Блок глубоко переживал) второму тому соответствует обострение революционного движения в 1905 году и его подавление. В третьем томе преобладает красный цвет – цвет крови и пламени. Незнакомка постепенно вытесняется Родиной, Россией. Том подобрал в себя впечатления мировой войны и двух революций 1917 года.

Сказанное – лишь самая общая схема. Поэзия Блока значительна не только своей цельностью, но и своими противоречиями. С одной стороны – это мучительные противоречия блоковского сознания, с другой, опосредованно, – противоречия русской жизни на ее изломе.

Каждое стихотворение Блока, каждая его поэма может быть прочитана изолированно. Но полного постижения смысла в этом случае ждать нельзя. Более полно смысл восстанавливается из контекста цикла, раздела, тома, «трилогии вочеловечения», из контекста символизма. В одном стихотворении читаем: «И очи синие, бездонные, Цветут на дальнем берегу». В другом: «Шлейф, забрызганный звездами, Синий, синий, синий взор». В третьем: «Ты в синий плащ печально завернулась, В сырую ночь ты из дому ушла». И только из широкого контекста поэм можно понять, что «синий» – каждый раз не просто деталь картины, а символ крушения юношеской веры в мировую гармонию, в счастливую мистическую жизнь духа.

Так, поэзное слово Блока становится не только символом, оно живет самостоятельно, звучит весомо, действует равно образу самого лирического героя. Поэтому можно сделать вывод, что Блок – крупнейший поэт–символист, оторвавшийся от узкого представления об этом течении и ставший самобытным певцом «слова, мысли, образа, духа», воплотившихся в образах Прекрасной Дамы, Кармен, Незнакомки, России.

Творчество Блока свидетельствует о том, что сознательно, открыто утверждаемая поэтом самостоятельность не только не противоречит литературной традиции, сложенной Пушкиным, Тютчевым, Фетом, Некрасовым, но и делает ее особенно ощутимой, развивает ее «особую достоверную прелесть», создает новый литературный «вкус» изменившегося читателя...

В. Назаров

Каково звучание поэм Блока?

Один из вершинных, но не воплощенных до конца замыслов Блока (поэма «Возмездие») уже много раз становился предметом пристального изучения. Так, К. Чуковский, К. Федин, П. Антокольский при всей разнице оценок увидели в поэме некое откровение, связанное с новым этапом творческих исканий поэта. Чеканные строки Пролога, утверждающие подвиг поэзии мысли, поэзии исследования жизни:

Тебе дано бесстрастной мерой

Измерить все, что видишь ты, –

вызвали сопоставление с пушкинскими. И это было справедливо: лучшее в поэме действительно причастно к пушкинским традициям как по силе выразительности, так и по глубине содержания.

Исследователям кажется, что Блок пошел слишком традиционным путем: в пространство пушкинской поэмы или романа в стихах нельзя было уложить задуманного, неудача была якобы предreshенной. Если ответ столь прост и однозначен, почему же поэт все–таки мучительно и сложно, однако неотступно продолжал и продолжал свою работу? Не ставил ли он перед собой задачи – обновления форм и традиций, из которых он исходил? Во всяком случае, трудности предстоящей работы были ему ясны – о них он говорил в Прологе к поэме:

Пускай же всё пройдет неспешно...

...Сквозь жар души, сквозь хлад ума...

...Пусть жила жизни глубока:

Алмаз горит издалека –

Дроби, мой гневный ямб, камня!

Лирика поэта явилась сопутствующим началом его великих поэм: «Возмездие», «Соловьиный сад», «Двенадцать». Часто стихи – части

этих поэм – становились самостоятельными произведениями и наоборот, стихи Блока вплетались в состав его поэм. Из двенадцати стихотворений «Ямбов» пять связаны с работой над «Возмездием», выделены из поэмы. В этих стихах присутствуют две темы: «огня» души поэта, его призывов к «мятежу», к будущему революционному возмездию и – поэта и поэзии («О, как смеялись вы над нами...», «Да. Так диктует вдохновенье...») И то и другое было важным в раннем замысле поэмы. И это – то, самое ценное в нем, Блок как бы возродил в новой поэтической цельности. Цикл унаследовал от раннего замысла очень существенные элементы, именно его «начала и концы», а не те или иные отдельные фрагменты. Это следует отнести и к социальной устремленности замысла поэмы. Во время работы над поэмой Блок писал матери: «Я яростно ненавижу русское правительство, и поэма моя этим пропитана». «Ямбы» воссоздают отношение поэта к «холоду» жизни, к тому, что вызывает в ней призыв к мести, мятежу. Не случайно концовку цикла составили стихотворения, несущие идею «революционных предчувствий» – они родились из текста «последнего отрывка», эпилога раннего замысла поэмы.

Следует отметить и родственность посвящения поэмы и цикла. Только если поэма посвящена «сужденной судьбою» сестре Ангелине Блок, то цикл, столь же сокровенно, – ее памяти. Конечно, возможность такого посвящения связана с глубокой преемственностью двух замыслов. В цикле в новом виде поэт как бы возродил главное в прежнем замысле – его обращенность к будущему. Энергия философских и социальных раздумий Блока над жизнью и призванием человека спустя десятилетие осталась живой.

Замысел поэмы «Возмездие» оказался в плодотворном русле многих творческих «начал» – исканий и свершений Блока. Они вызывались новыми закономерностями, новой эпохой его жизни, когда поэт мог сказать о себе: «...И с миром утвердилась связь».

И. Ревякина

Поэма «Возмездие»

Поэма «Возмездие» была задумана Блоком еще в 1910 году. Сам поэт характеризует этот год (когда он стал сотрудником «Аполлона») в своем «Предисловии» (1919) так: «...1910 год – это кризис символизма... В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек – но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный Адам». Кроме того, Блок сам

разуверился в символизме и захотел, из «лиловых миров» опустившись на землю, писать «пушкинским ямбом» о «потерянном человеке».

*Двадцатый век... еще бездомней, (Еще чернее и огромней
Еще страшнее жизни мгла Тень Люциферова крыла).*

Далее:

*Что ж, человек? – За ревом стали, Какие огненные дали
В огне, в пороховом дыму, Открылись взору твоему?*

С. Маковский

Желая представить духовное движение Блока, мы можем обратиться к вступительным стихам поэмы «Возмездие»:

Жизнь – без начала и конца.

Нас всех подстерегает случай.

Здесь – восприятие жизни как хаоса стихийных сил, антихристианское представление о бесконечном и неуправляемом мире. Далее:

Над нами – сумрак неминуций,

Иль ясность божьего лица.

Здесь новый акт познания – разделение мира на добро и зло – «ясность» и «сумрак».

И затем – о долге художника, обязанного преодолевать хаос, находя в безмерном конкретные формы (с «началом» и «концом»), и отделять добро от зла:

Но ты, художник, твердо веруй

В начала и концы. Ты знай,

Где стерегут нас ад и рай.

Незавершенность «Возмездия» не мешает с помощью предисловия Блока и сохранившихся авторских планов судить об общем замысле произведения. В основе его, как и всего творчества Блока, лежит обобщенный и преобразованный в духе блоковской концепции автобиографический материал. «Возмездие» – это рассказ о пути рода в четырех его поколениях: дед (первое поколение), отец, мать и ее сестры (второе поколение), сын (третье поколение) и (по плану) сын сына, правнук (четвертое, последнее звено рода). Во всем этом чередовании поколений представлена судьба русской интеллигенции, одной из ее групп, и в перспективе – ее слияние с народом.

Жизнь рода, быт, история, явленные в «Возмездии», определяются, по Блоку, двумя лейтмотивами: «один – жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой – мазурка». Такое же соотношение лейтмотивов «спада надежды» и ее «подъема» мы видели и в лирике Блока («Испепеляющие годы! Безумья ль в вас, надежды ль весть?»). Поэтом создается картина распада, утраты и перерождения духовных ценностей рода, хотя бы и «ус-

таревших». Но в замысле произведения, изложенном в предисловии Блока, в манере вольного и широкого, с ироническими, игровыми ходами повествования. В стремительных потоках «пушкинского» ямба (лейтмотив мазурки) звучит «надежды весть», полнота чувств – любви, печали, гнева, смеха, предопределяющих трагическое движение жизни. Блок выражал свою мечту о человеке, мужественно глядящем в лицо жизни и активно к ней относящемся. «Пускай, наконец, «герой» воплотится», – замечает Блок в одной из записей о плане поэмы.

Д. Максимов

Уже в первой редакции поэмы «Возмездие» затерянный в метельных улицах Варшавы поэт то вспоминает отца, то размышляет о стране, в которой очутился:

*Страна – под бременем обид, Безмолвствует народный гений,
Под гнетом чуждого насилья – И голоса не подает,
Как ангел, опускает крылья, Не в силах сбросить ига лени,
Как женщина, теряет стыд. В полях затерянный народ.
 И лишь о сыне-ренегате
 Всю ночь безумно плачет мать...*

Оскудение народной жизни здесь дано параллельно с выцветанием героя:

*Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и **всё** забыл...*

«Весь мир казался мне Варшавой», – восклицает поэт. Варшава – это образ униженного, испакощенного, «страшного» мира, где люди обречены на гибель и где «Воля» всего только название кладбища.

«Ночная тьма», которая «глушила» прозрения героя, – сложный образ: она и вне героя и внутри его собственной души.

«Внешняя тьма» – это распростершаяся над страной в течение царствования последних Романовых реакция.

*В те годы дальние, глухие, Победоносцев над Россией
В сердцах царили сон и мгла: Простер совиные крыла,
 И не было ни дня, ни ночи,
 А только – тень огромных крыл...*

Некогда, в статье «Луг зеленый», Андрей Белый, друг Блока и поэт, уподоблял Россию красавице, находящейся под властью злого колдуна. Блок говорил тогда, что этот образ ему очень близок.

В поэме «Возмездие» он сам использовал его, но наполнил совсем иным содержанием, чем то было в статье Белого.

Блоковский колдун – Победоносцев – вполне «отечественного происхождения»:

*Колдун одной рукой кадил, Он клал другой рукой костлявой
И стружкой синей и кудрявой Живые души под сукно.
Курился росный ладан... Но –*

Петь хвалы России, захлебываться от «патриотических чувств» – и в то же время умерщвлять, гноить ее живые души – вот иезуитские приемы реального, а не мифического «колдуна».

Он рассказывает о происходящих в стране переменах, как о некоем чужеродном, иноземном нашествии:

*А уж там, за рекой полноводной, Иль опять это — стан половецкий
Где пригнулись к земле ковыли, И татарская буйная крепь?
Тянет гарью горючей, свободной, Не пожаром ли фески турецкой
Слышны гуды в далекой дали... Забуняила дикая степь?*

«Новый лик», которым обернулась Россия, не пугает поэта, а напротив, порождает в нем мечту о счастливой звезде, уготованной его родине: стать новой Америкой.

Этот настоящий, «не старческий лик и не постный под московским платочком цветным», живое, умное, трепетное лицо России Победоносцев хотел превратить в мертвый, восковой, но зато благолепный профиль. Победоносцев – в могиле, но он оставил наследников и наследство.

Красавица Россия была для Блока не бесплотной аллегорией. Этот образ как бы пульсировал живой кровью виденных, узанных, живущих рядом людей, в чьей судьбе по-разному, глубоко индивидуально и часто не похоже друг на друга преломилась общая трагедия их родины.

С. Петров

Интересна композиция поэмы Блока «Возмездие».

«План – четыре части – выясняется.

I – «Демон»;

II – Детство, III – Смерть отца., IV – Война и революция, – гибель сына» (Блок, дневники).

Эта незавершенная поэма и ее варианты, черновики и планы говорят о том, как упорно стремился поэт овладеть новыми для него масштабами повествовательной поэмы, панорамным изображением времени, лепкой характера.

Лирическая «Варшавская поэма» «перестраивалась» автором в эпическую повесть о кризисной поре истории.

Блок сравнивал свой замысел с известным циклом романов Эмиля Золя о Ругон–Маккарах. «В малом масштабе, в коротком обрывке рода русского» он хотел уловить, как «в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое».

Эпизод «семейной хроники» переносится на широчайший исторический фон; поэт стремится отыскать скрытые связи между личными драмами героев и нараставшими переворотами.

Поэма начинается картиной победоносного возвращения царских войск в Петербург после русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

За самой городской чертой...

Стена народу, тьма карет,

Пролетки, дрожки и коляски,

Султаны, кивера, и каски,

Царица, двор и высший свет!

Все это сверкает и блестит под осенним солнцем, как будто золотые буквы, которыми вписана в историю блестящая, победная страница.

Но вот сквозь парадный строй этих букв начинают проступать кровь, горе, лишения, которые заглушены восторженными возгласами и занесены цветочной метелью:

Забыли жизнь и смерть солдата

Под неприятельским огнем,

Ночей, для многих – без рассвета,

Холодную, немую твердь,

Подстерегающую где-то –

И настаивающую смерть,

Болезнь, усталость, боль и голод,

Свист пуль, тоскливый вой ядра,

Зальдевших ложементов холод,

Негреющий огонь костра,

И даже – бремя вечной розни

Среди штабных и строевых,

И (может, горше всех других)

Забыли интендантов козни...

«Иль не забыли, может быть?» – прерывает Блок этот перечень, похожий на обвинительный акт, который могли бы предъявить «уцелевшие в бою», не сложившие свои головы на Балканах, на Шипке, под Плевной.

Прокатившаяся через город волна серых шинелей, море собравшихся их встретить людей – пока еще мирны, не сознают до конца ни своих обид, ни своей силы и к вечеру войдут в берега, разбредутся по казармам и домам.

Никто еще не знает, что это последняя война, выигранная царизмом тяжелой ценой, за чужой, народный счет, но все-таки выигранная. Все еще вроде бы мирно и благополучно. Но, как внезапно взметнувшийся язык вулканического, уже гудящего под землей огня, возникает в поэме картина тайного собрания народовольцев, их романтические клятвы.

Столь же обманчиво благополучие дворянской семьи, выведенной в поэме. Объективность, с которой описывает и оценивает поэт породившую его самого среду, – одно из высочайших достижений его в новом жанре. Он не скрывает своей кровной приверженности к этой тихой, уютной, милой профессорско-дворянской семье с ее «запоздалым», но трогательным благородством. Он очень точно определяет и происхож-

дение ее либерализма, и трагичность ее положения в реальной русской действительности:

*... власть тихонько ускользала А всё в безразличности природной
Из их изящных белых рук, Меж волей царской и народной
И записались в либералы Они испытывали боль
Честнейшие из царских слуг, Нередко от обеих волей.*

Русская жизнь рисуется перед поэтом во всех своих грозных «готовностях», чреватая теми бурями и потрясениями, которые Блоку было суждено увидеть наяву и которые были им прозорливо угаданы:

*Не всякий может стать героем, Как вешняя река, она
И люди лучшие – не скроем – Внезапно тронуться готова,
Бессильны часто перед ней, На льдины льдины громоздить
Так неожиданно сурова И на пути своем крушить
И вечных перемен полна; Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...*

Но до поры до времени «сия старинная ладья» дворянского семейства еще избегала катастрофических потрясений, уживаясь с «новыми веяниями», в чем-то поддаваясь им, в чем-то подчиняя их себе:

*И нигилизм здесь был беззлобен, (Властей ввергающих в испуг)
И дух естественных наук Здесь был религии подобен.*

Но вот, как иное, своеобразное проявление разрушительных веяний века: в семью «явился незнакомец странный» – талантливый ученый. Его мятущаяся душа не находила никакого действенного выхода в жизни, впадала в «тьму противоречий», временами готова была «сжечь все, чему поклонялся, поклониться всему, что сжигал»:

*Он ненавистное – любовью Как будто труп хотел налить
Искал порою окружить, Живой, играющею кровью...*

Нарушив мир тихого семейного очага, поработив и измучив своей тяжелой любовью беззаботную дотоле младшую из росших там дочерей, он внес всем этим начало мятежа, отчаянного неприятия мира в семью, глава которой «в буднях нового движенья немного заплутался».

Даже на склоне лет, когда этот «блестящий ум» «книжной крысой настоящей стал», выцвел в «тени огромных крыл» победоносцевской реакции, –

*...может быть, в преданьях темных Хранилась память глаз огромных
Его слепой души, впотьмах – И крыл, изломанных в горах...*

В жалкой фигурке озлобленного старика, которого варшавяне часто видели одиноко «сидевшим на груде почернелых шпал», поэт прозревает подобие врубелевского Демона, этого нового Прометея, которого на этот раз терзает не коршун по воле богов, а беспощадное сожаление, что ему ничего не дано свершить.

Жизнь сына начинается в атмосфере благополучия – «ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье»:
Он был заботой женщин нежной И жизни (редкие) уродства
От грубой жизни огражден, ...не нарушали благородства
Летели годы безмятежно, И строй возвышенной души.
Как голубой весенний сон.

(Из набросков продолжения второй главы)

Но отцовское демоническое наследство и «все разрастающиеся события» по–своему, зачастую туманно–мистически, претворялись в его душе, окрашивая ее в трагические тона.

«На фоне каждой семьи, – записывает Блок, размышляя об этой во многом автобиографической фигуре, – встанут ее мятежные отрасли – укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они – *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они – последние... Они – едкая соль земли. И они – *предвестники лучшего*».

Однако поэтическая судьба сына в «Возмездии» почти не претворилась, за исключением третьей, «варшавской», главы, во многом выдержанной еще в ключе первоначального, преимущественно лирического замысла.

Затерянный в метельных улицах Варшавы, сын слышит в бушующих выкриках вьюги не только голос панихиды по отцу (или даже по нему самому?), но и нечто совсем новое:

...ветер ломится в окно,

Взывая к совести и к жизни...

Образ вьюги, ветра, «Пана–Мороза», который «во все концы свирепо рыщет на раздольи», в чем–то предваряет атмосферу будущей блоковской поэмы «12» с ее сквозным мотивом революционной бури, гудящей над миром.

На этом этапе развития сюжета и должен был завершиться жизненный путь сына. Блок изобразил трагичную «обыденность смерти», с которой исчезают «все неясные порывы», «невоплощенные мысли, воля к подвигу, несовершенному»:

Я не совершил того...

Того, что должен был свершить, –

Эти набросанные Блоком последние слова героя звучат как эпитафия ему.

В эпилоге «Возмездия», по замыслу поэта, должен был быть изображен растущий ребенок, уже повторяющий по складам вслед за мате–

рю: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Однако финал поэмы рисовался Блоку туманно, неясно, и, будучи поразительно честным художником, он не торопился эффектным, но скороспелым финалом завершить «постройку большой поэмы».

*Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,*

*Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...*

Грозная, возникшая в душе поэта музыка «возмездия», как туча, заходившая над миром, определила полное тревожного ожидания звучание блоковской поэмы, подсказала автору крылатые характеристики времени. Но будущее конкретных человеческих судеб, в частности сына, оставалось неясным, зависящим от событий, ход которых предвидеть вряд ли возможно.

Блок впоследствии не стал «заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла».

Мир изменился, и строить надо было по-новому!

Современники поражались, что поэму «12» как будто писал «новый поэт», «с новым голосом».

Но в литературе ничего не случается вдруг. И чтобы суметь так «схватить» бурный, пенящийся поток революции и навсегда запечатлеть его в читательском сердце, нужен был уже выработанный глаз, острое чувство истории, рука мастера, способного создать монументальное полотно, – нужна была школа работы над современным эпосом. Такой школой и оказалась в жизни Блока работа над поэмой «Возмездие».

В. Назаров

Одним из главных образов поэмы «Возмездие» является образ Петербурга. Место действия первой главы и задуманной второй – северная столица. Хотя поэма и не завершена, в русской поэзии начала века образ невосковой столицы, запечатленный в «Возмездии», наиболее монументален:

*В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,*

*Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...*

Этому образу в поэме приданы различные аспекты. В первой главе это Петербург в наружно скучноватые семидесятые годы, данный через призму существования старинной дворянской семьи, очень просвещенной и либеральной.

*Теперь – за мной, читатель мой,
В столицу севера большую,
На отдаленный финский брег!
Уж осень семьдесят восьмью
Дотягивает старый век.*

*В Европе спорится работа,
А здесь – по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...*

Н. Горбунов

Тема возмездия первая и вместе с тем последняя в творчестве А. Блока. Непосредственное выражение она находит в поэме «Возмездие», которая органически связана с его сложной духовной историей.

*Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего лица.*

*Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.*

Александр Блок, изживая кризис мистического романтизма, стремится преодолеть свою «лирическую обреченность», чуть было не затонувшую мертвой петлей опустошительной иронии:

*Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Поэт начинает понимать, что «болезнь иронии» является, в конечном счете, болезнью индивидуализма и что выздоровление от «приступов изнурительного смеха», который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается – буйством и кощунством, лежит на путях преодоления индивидуалистического мировосприятия:

*Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.*

Отсюда – призывы Блока к послушанию и смирению, к соблюдению строгой «духовной диеты». «Чтобы быть самим собою, надо отречься от себя» – сочувственно цитирует он в статье «Ирония» банальную и священную формулу Ибсена. Далее заключает: «Должно учиться вновь у мира».

В центре поэмы судьба лирического героя, самого себя. Но этот герой берется поэтом не обособленно, не как замкнутая в себе монада, а как одно из звеньев родовой цепи в исторической преемственности и социальной перспективе:

*Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отцах:
Коротенький отрывок рода –*

*Два–три звена, – и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, –
Угль превращается в алмаз...*

Н. Оскольский

Образ Христа в поэме Блока «Двенадцать»

Блок не первый из поэтов приблизил к русской революции образ Христа. Незадолго до него сделал это Есенин, Есенин уже революционной, но добольшевистской формации, Есенин – автор «Товарища». Поэт еще в февральские дни понял, вернее – почуял своим крестьянским сердцем, жалостью своей, что произошла не «великая бескровная» революция, а началось время темное и беспощадное, потому что «пал, сраженный пулей, младенец Иисус» (так же, как Блок, он называет Христа и по-старообрядчески Иисусом).

Юный поэт увидел Иисуса, как бы снова распятого – революционными пулями, человеческой злобой и ненавистью, еще не воскресшего и похороненного на Марсовом поле: образ подлинно народного ощущения сердцем национальной трагедии... Блок, мучительно, с надрывом переживавший революцию – трагически-хмельную и беспощадную, но в каком-то разрезе своем созвучную народной идее Правды, – хотел выразить в «Двенадцати» эмоциональный хмель «Октября»: и политический, и бытовой трагизм этих дней, когда начиналась новая эра русской, а может быть и всемирной истории. Он слушал «музыку революции», и что-то запело в нем, созвучное наступившим временам. С обыкновенным стихотворцем этого не случилось бы...

«Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произойти не могло, случиться могло только в России», – писал Блок матери 19–20 марта 1917 года.

Эмиграция не хочет простить Блоку «Иисуса Христа» в заключительной строке «Двенадцати». Между тем разве не в этом сближении революции с христианством, с до-никоновским, до-имперским, протопопоаввакумовским православием – глубинный смысл поэмы? Блок-революционер лишь грубее сказал то, что мерещится в патриотическом исповедании всех наших писателей, противопоставлявших Западу Россию, поверивших в ее «особенную статью».

Политические события, разливаясь, докатились до «Октября». После «Октября» образ Христа предстал и Блоку.

Разве образ Христа, обреченного народным восстанием на смерть до грядущего воскресения, не тот же у Блока? Блок выразил по-интеллигентски холодно несколькими словами то, что в поэме Есенина согрего крестьянским чувством.

Когда после революционного экстаза угасавший Блок разуверился в «Октябре», пошел слух, что в своей поэме он собирается заменить другими словами заключительные строки:

*В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.*

Может быть, такое намерение у него и было... Когда с одной стороны посыпались на Блока укоры в кощунственной идеализации большевизма, а с другой – в «буржуазном» уподоблении двенадцати красноармейцев – апостолам, он заколебался. А когда годом позже «весна» революции миновала и началось избиение большевиками инакомыслящих, он пришел в ужас от своей большевистской поэмы с Христом...

А на самом деле именно намек на веру народную и в заглавии, и в упоминании об «Исусе в белом венчике из роз» только и оправдывает до известной степени эту поэму. Народная Правда – святость выражена именно этим возникающим из снеговых вихрей образом Христа с красным флагом, в которого стреляют обезумевшие от ненависти и страха красноармейцы:

<i>– Кто там машет красным флагом?</i>	<i>– Все равно тебя добуду,</i>
<i>– Приглядишься – ка, эка тьма!</i>	<i>Лучше сдайся мне живьем!</i>
<i>– Кто там ходит беглым шагом,</i>	<i>– Эй, товарищ, будет худо,</i>
<i>Хоронясь за все дома?</i>	<i>Выходи, стрелять начнем!</i>

Трах – тах – тах!

Но от красноармейцев Христос, «и за вьюгой невидим, и от пули невредим», уходит «нежной поступью надвьюжной». Уходит от них или – ведет их?

В. Назаров

По-своему пытался осмыслить значение образа Христа М. Волошин – современник Блока.

« – Да ведь это против большевиков написано! Двенадцать лже-апостолов не идут за Христом, а преследуют его как врага, расстреливают его. Революция распинает Христа. Вот смысл!

– Однако же Христос машет красным флагом, – возражал Блок.

– Красный флаг в руках Христа, – волнуясь, доказывал Волошин, – очень страшный символ. Кровь ведет народную стихию. И человеческая, и Божья ведет кровавая хоругвь ко вратам грядущего Царствия...»

Волошину стало понятно, что Блок ощущал революцию не как политик. Поэт слышал голос народный о преображающей силе «черной злобы, святой злобы» на погибель старого мира...

С. Маковский

В чем значение образа Христа в поэме Блока «Двенадцать»?

Религиозный суд над поэмой – не дело нашего времени, слишком непосредственно и остро ощущающего противоречия старого и нового мира. Трудно не вспомнить Достоевского, не менее Блока ощущавшего стихию народную. Достоевский впервые усмотрел в ней черты религиозного бунта, «с Богом или против Бога». В известном рассказе «Влас» он отметил в своем герое эту «потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении дойти до самой пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой.

Достоевский рассказывает следующий случай. Молодой крестьянин в порыве религиозного исступления, богоборчества («кто кого дерзостнее сделает») направляет ружье на причастие («пальнем-ка пулей в Святую Русь!») и в минуту свершения святотатственного деяния, «дерзости небывалой и немислимой», ему является «крест, а на нем Распятый». «Неимоверное видение предстало ему...все кончилось». «Влас пошел по миру и потребовал страдания». Читаем у Блока:

<i>Впереди – с кровавым флагом,</i>	<i>Нежной поступью надвьюжной,</i>
<i>И за вьюгой, невидим,</i>	<i>Снежной россыпью жемчужной,</i>
<i>И от пули неведим,</i>	<i>В белом венчике из роз –</i>
	<i>Впереди – Иисус Христос.</i>

Не такое ли значение имеет примиряющий образ Христа и в религиозной поэме А. Блока?

Н. Горбунов

Заключение

Значение творчества Блока в русской поэзии переоценить невозможно. По глубокому ощущению времени и пытливости мысли, по широте кругозора и мастерству изображения тончайших переживаний Блок является одним из крупнейших русских лириков.

А. Блок, его поэзия, его личность, даже события его биографии были темой многих бесед его современников и остаются предметом споров сегодня. Потому что, как говорил А. Белый: «Блок умел выговорить в стихах свою центральную, нутряную, почти словами не выразимую ноту». Стихи и поэмы Блока привлекают и тем, что в них выражена глубокая и искренняя вера их автора в свою Родину. Он любит в России все: людей, природу, прошлое, настоящее и даже будущее. По словам Максима Горького, Блок был «поэтом и человеком бесстрашной искренности». Все произведения Блока подтверждают эту мысль.

Н. Горбунов

В творчестве А. Блока есть черты, сближающие его с русской психологической литературой девятнадцатого века, и есть черты, как-то предвосхищающие дальнейшее развитие русской лирики. Недаром из деятелей символистического направления Блок – тот поэт, к которому сейчас в наибольшей мере сохранился живой читательский интерес.

Блок – поэт, взявший на себя сложное наследие русского девятнадцатого века, и он корифей «новой поэзии». Блок многостилен, и стили его восходят к разным источникам, но в то же время не многих поэтов мы узнаем с такой безошибочностью. Все темы, все традиции, все стили охвачены целостным контекстом, единством раскрываемого сознания, очень личного и очень общего.

Блоковские зори, закаты, сумраки, туманы, ветры, метели – слова-острия, наэлектризованные блоковским контекстом и потому перестраивающие все, что их окружает...

Блок – человек своего времени, и его творчество также не миновало эстетические огрехи и соблазны начала века. Побороть их поэту было трудно. Он их поборол силой своей поэтической и человеческой подлинности. Поэзия Блока вышла за пределы своего времени и до сих пор живет для нас бесстрашием открытий, высоким наследием прошлого, чувством современности и истории, строгими требованиями совести, самыми важными вопросами, какие могут стоять перед человеком.

Л. Гинзбург

Поэмы Блока, в том числе и «Двенадцать», – величайшее достижение Блока. В них он мощно преодолел романтизм и лиризм, в совер-

шенно новой, своей форме сравнился с Бальзаком и Достоевским. С Бальзаком – в объективном, достигающем грандиозности изображении мерзости и порока; с Достоевским – кроме того – в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой в том смысле, что не внешняя человеческая стена, а только какая-то чудесная, незримая, внутренняя черта их разделяет – в живой человеческой душе, за которую в земном, неизбывно борются Бог и Дьявол, Мадонна и Содом.

Поэма «Двенадцать» – честнейшая попытка понять свою страну, свой народ. Не судить или оправдать, а понять. И именно в этом непреходящее значение Блока и его творчества.

В. Назаров